

rocket**book**

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Нежданно-негаданно

Валентин Григорьевич Распутин

Нежданно-негаданно

Серия «Pocket book (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69164752
Нежданно-негаданно: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-04-185998-5

Аннотация

В. Г. Распутин написал в 90 годы XX века цикл рассказов о Сене Позднякове, в прошлом «пьяницы-забуддыги», неизвестно откуда появившегося в деревне Заморы, а ныне человека, осознающего себя частью круговорота крестьянского бытия, думающего о себе и государстве, – и показал пробуждение и возрождение личности, её упорство при столкновении с негативными социально-общественными явлениями. Поздняков несмотря на свою незащищенность перед жестокостью современного мира, полон созидательной энергии, поэтому рядом с ним другой человек может обрести душевное равновесие.

Содержание

Сеня едет	6
По-соседски	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Валентин
Григорьевич Распутин
Нежданно-негаданно
*Из цикла рассказов
о Сене Позднякове***

© Распутин В.Г., наследники, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

rocket**book**

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

Нежданно-негаданно

Сеня едет

Сеня Поздняков, в отличие от других, прозвищами себя награждал сам. Да так удачно, что они прилипали. Пока бродяжничал, бичевал – был Бродя, покончил в один прекрасный день с беспутной жизнью, отхватил лучшую в деревне невесту – стал «наш орел». А Заморы вдобавок окрестили его, как и всякого бы приставшего со стороны, «поселенцем». Каждое прозвище имело свое употребление: говорили хорошо и за глаза – «поселенец», посмеивались с издевкой в Сенином же присутствии – «наш орел». Но как-то так получалось, что в том и другом случаях – и когда похваливали, и когда на смех подымали – относились к Сене, будто к сироте, с добродушием. Был он мужик безвредный, услужливый, улыбочивый. И только у Гали, у жены, вырывалось раза два или три:

– Погубил ты меня, Сеня. Такую бабу погубил!

Галя знала себе цену. Сене же цена была небольшая. Когда-то он читал книжки, вышел из приличной городской семьи, окончил школу и готовился к жизни всерьез. Но после армии понесло его по романтической части, об уроках которой деревня знала наизусть из песни, распеваемой не однажды «нашим орлом» при его продвижении к дому:

Ах ты, сука-романтика!

Ах ты, Братская ГЭС!
Я приехала с бантиком.
А уехала – без.

Трагические эти строки продолжения не имели. Сеня выдирал их из груди с такой болью, с таким отчаянием, что они пронизывали всю улицу, откашливался громко избыточным страданием и начинал сначала. На пение выходила Галя, и тогда оно прекращалось на середине.

В Заморы он прибыл, разумеется, уже «без бантика». Не было при нем, кроме того, ни трудовой книжки, ни паспорта. Не было и рубахи. Его «явление» до сих пор не забыто, хотя и случилось оно больше четверти века назад, когда с рейсового теплохода вслед за прибывшими чинно и благородно пассажирами за руки, за ноги вынесли бездыханное тело неизвестного, бросили, как мешок, под молчаливые взгляды местного народа на берег и отчалили. Вопросы: кто, откуда, к кому, зачем? – появились лишь после того, как белый пароход, взбучивая воду, поддал жару на своем пути из Иркутска в Братск. Отвечать было некому, молодой мужик со следами безуспешной борьбы с пьянством не подавал признаков жизни. До того, как расходиться, затащили его под дырявый навес для встречающих-проводящих и оставили под надзором собак. До сумерек перебивали у него чуть не от каждого дома и с облегчением отходили: не довел Господь до знакомства и уж тем более до родства

с этой пропащей душой. В сумерки, чтобы не брать на себя грех за неприсмотр, заставили парней прибрать незнакомца в ближайшую баньку, которая и оказалась баней Стуковых.

Дело было по осени, в сентябре, а за два месяца до того Галя Стукова вернулась в родные Заморы, чтобы после трехлетней учебы принять от родной матери здешний фельдшерский пункт. Ей и выпало отваживаться с Сеней, возвращая его к жизни. Она первой и услышала скорбную историю его жизни, последняя страница которой осталась за границами памяти: поехал с такими же, как он, вербованными, к месту очередной работы и вот... не доехал. Местные ухари, только-только начинавшие делать возле красавицы Гали боязливые круги, и охнуть не успели, как сброшенное мертвяком с парохода тело поднялось на ноги, оделось в штаны и рубаху Петра Андреевича, начальника участка, и заявило, что оно – «наш орел». Заявило раньше, чем Галя, Петр Андреевич и Вера Васильевна, все вместе и каждый в отдельности, успели рассмотреть, что это за птица и с какой целью она спикировала на их семью. Галина мама до самой смерти не могла прийти в себя от изумления, что же это, что за наваждение нашло тогда на них, если на глазах у не слабых умом родителей было похищено дитя. Да так похищено, что его же, похитителя, еще и обихаживать пришлось, чтобы не позориться перед людьми.

Теперь Веры Васильевны в живых давно нет, Петр Андреевич доживал век у старшего сына в городе, а «наш орел»

успел растерять свои перышки. Усохший, потрепанный водой, с затухающей порывистостью, он сохранил лишь одно – чистые свои голубенькие глазки на морщинистом лице. Полгода назад, с укоротом леспромхозовских работ отправленный на пенсию, Сеня свершил подвиг жизни – бросил пить. Пить бросил, но бодрости не приобрел; следовало бросить раньше. И все чаще, откачиваясь от дела, оцепеневал он по-каменному, уставившись куда-то перед собой без памяти и мысли.

И только Галя, по-прежнему красивая, прямая, выше Сени, с сильным телом, неразношенная, – только Галя была хоть куда. С медициной Гале пришлось расстаться, и не только Гале, а всему поселку: новые порядки, борясь со старыми, боролись и со всем, что было при старых, в том числе и с людьми, отказывая им в лекарствах. Полтора года назад медпункт закрыли. Сын и дочь у Сени с Галей, взяв годы, не задержались в деревне и жили в городе своими семьями, имея и от себя – наперекрест – мальчика и девочку. Ради горожан, задавленных ценами, приходилось держать большое хозяйство: две дойные коровы, две свиньи, пять овец, куриц, огород – крутежу хватало от зари до зари. В сорок пять «баба ягодка опять», а сама у себя в скотницах, в огородниках, кухарках. Сеня в рабочей упряжке и с рюмкой помогал лучше, чем теперь, освободившись от того и другого.

Хватила Сеню, как сказали бы раньше, лихоманка.

Телевизор включали редко. Когда полон двор животины

и страда подгоняет страду, не до того, чтобы пялиться в телевизор. Его и в каждой избе держали больше для обзаведенья, чем для применения.

А тут Сеня на беду свою как-то нажал на кнопку включателя. Началась эта история, когда он еще работал. Нажал на кнопку – и вдруг без всякой настройки, как там и сидела, наплыла на него такая картина, что Сеня попятился. Сдернул он ее с помощью той же кнопки и, глядя испуганно на затмевающийся экран, соображал: Китай, что ли, опять балуется?.. Одно время было: включаешь Москву, а попадаешь в Китай, на оперу. Сеня для проверки снова толкнул кнопку и снова вытолкнул напугавшее его зрелище. Китай или допился? Диверсия по средству массовой информации или чертики? До чертиков у него однажды доходило, но они чертиками и оставались, за границы не переходили. Тут же... Сеня заставил себя всмотреться. Тут же шла самая настоящая... Сеня знал, как это называется... да ведь как бы ни называлось, а дело это не для показу. Допился. Он отжал опять кнопку, выдернул шнур из розетки и, раздеваясь на ночь, набросил на мерцающее пучеглазие телевизора штаны. Пили в гараже какую-то дрянь из большой иностранной бутылки, даже и не забрало как следует, а вот поди ж ты, куда ударило.

Подмывало проверить видение на Гале, но Галя, когда являлся он под «братским бантиком», стелила себе отдельно.

Утром Сеня прислушивался в гараже: видели или не виде-

ли? Никто ничего. «Звоночек, – решил он. – Второй. Непростой, с поворотом. Нет, надо завязывать».

Но сомнение оставалось. Не давало согласиться это самое дело, куда произошёл поворот. Никогда Сеня на него особенно не упирал, никогда оно ему белый свет не застило. Поддержать «фольклор» в мужских разговорах мог, но не до затмения ума. Что-то тут было не то. Сеня стал включать телевизор не просто так, чтобы охолонуть с работы под культурой и политикой, а чтобы поискать следы того, что ему померещилось. Теперь, когда он взялся всматриваться внимательней, то увидел много интересного, чего раньше, включаясь на минуту-вторую, не замечал. Из лесу далеко не углядишь, но ведь вот он, глаз-то: пока они жили по старинке, произошёл форменный разворот на все градусы от указанного раньше направления жизни. Никто не работает, все веселятся. Никто не ходит пешком, все катаются на машинах. Длинные, членистые, как вздыбленные лохматые гусеницы, наплодились песенники, которые, извиваясь и дергаясь, будто под током, выкрикивают под грохот техники какие-то страсти, а полоумная пацанва, огромная, дикая, из одних ревущих ртов, сплетаясь голыми руками и раскачиваясь, катит встречный жуткий рев. Потом рев мотора – и трах-тарарах по мозгам: покупайте! покупайте! покупайте! А на что покупать, на какие шиши, зарплату третий месяц не дают! А тем хоть бы хны – светоизвержение! Покупайте, продавайте, прыгайте, стреляйте, война, кровь, замогильные голоса –

и вот!..

– Галя! – взревел Сеня. – Галя! Быстро! – И вскочил на-
встречу: – Где ты?

– Чего орешь дурноматом! Что у тебя?

– Ты погляди.

Галя взглянула, сплюнула и выключила.

– Чего уставился-то на срамоту? Делать нечего? Совсем
рехнулся!

– Но ведь показывают!

– Не смотри. Не для нас с тобой показывают.

– А для кого?

– Для шибко умных.

Можно, конечно, и не смотреть. Но ведь если показывают,
то и смотрят. Город весь утонул в телевизоре, а у него там
дети, внуки подрастают. Что же это происходит, почему ста-
ло позволено? Ведь это же, ясное дело, не от недосмотра, это
политика такая. Запрягли так и поехали. Куда? Не сегодня
поехали, видно, что раскатились. Где ты летал, «наш орел»,
куда смотрел, если главного не видел? Не смотри. Не заме-
тишь, как под порог подкатит, нагишом по улице ходить за-
ставят.

Нет, не мог успокоиться Сеня. Подступала, как он назы-
вал ее, «боевая готовность» – возбуждение, которое охваты-
вало его, к примеру, в сенокос, пока не подобран последний
кочок сена. До тех пор он ни о чем не мог подумать, ника-
кой рюмкой его было не взять. И вот теперь входило в него

то же самое, единственное, забиравшее полностью.

Вечером, как сели за ужин, Сеня не утерпел:

– А если бы нас с тобой так, а?

– Что у тебя опять такое?

– А если бы нас... Мы бы с тобой легли, а нас бы это хайло, это пучило, – Сеня кивнул на телевизор, и показалось ему, что тот еще больше залоснился от удовольствия, словно бы принял предложение, – на весь свет... Поглянулось бы тебе?

– Уймись, Сеня!

– Я понимаю, без этого нельзя. Но почему на люди-то? Это же наше с тобой. А они – как собаки, хуже собак. Ты посмотри...

Что заставило Сеню толкнуть телевизор, он и сам не знал. Но вышло к месту. Телевизор загудел-зашипел и накатил на Галю с Сеней картинку... они и ведать не ведали, что такое бывает: что-то, как огромный паук, белое, многоногое, многоголовое, голое, извивающееся и жуткое. Галя пропавшим вдруг голосом, на хрипе, вздымаясь над Сеней:

– Ты что себе позволяешь?! Ты что делаешь?!

– Я-то почему делаю? Это он, они делают...

– Ты что мне подстроил?

– Как я мог подстроить? Думай маленько. – Паук между тем разворачивался, показывая себя со всех сторон, опадал и вздымался. Сеня подумал: а почему он, собственно, оправдывается? Тут разве оправдываться надо? Тут разве между собой надо цапаться? Он заставил паука сгинуть, с трудом

удержался, чтобы не отправить вслед за ним и весь телевизор, и провозгласил вслед:

– Ди-вер-сия!

– Чего-о?

– Диверсия на бытовом уровне. Дерут сразу и через голову, и через это место. Нич-че, поглядим, – угрожающе добавил Сеня и поднялся, готовый ко всему.

В гараже он приступил к мужикам:

– Телевизор смотрите?

– А чего... там... смотреть? – тяжело вырубая изнутри слова, отвечивал Вася Сомов, угрюмый без бутылки, грубого, без отделки, покроя мужик из слесарей. Он и отозвался лишь потому, что сварганили бутылку. – Там... одна... – Вася матом обозначил два предмета интереса телевизора – политику и эту самую, в которую ударился лбом Сеня.

Видят, значит, все видят, не он один. Грубый народ, а не одобряет.

– Мужики, а почему мы терпим-то? Почему позволяем? Нас с головой туда... Это культура, что ли? Там культуру должны двигать, а они что?! Мы без них, что ли, с бабой не справимся?

– Справимся, – подтвердил Вася.

– Чего ты, дядь Сень, – вмешался Генка, парнишка, убивающий в гараже год от школы до армии. За работой на побегушках, а как до выпивки – чувствовал он себя среди мужиков ровней. Генка только что доставил бутылку и был еще

на высоте подвига. – Разошелся, будто вчера в первый раз увидел. Давно кажут.

– Давно... кажут... – согласился Вася. – Лоханка.

– Как демократию провели – сразу. Уж все на десять рядов обказали. В кино еще больше кажут.

– И кино... лоханка!

Рогов, бригадир, добавил, открывая бутылку:

– На голову встали, а ноги задрали – вот она и заголилась, механика-то. Вот и навалились.

– Мужики, а что делать-то будем? – не унимался Сеня.

– А что делать? Что ты будешь делать? Ежели это государственный интерес наравне с тюменской нефтью. Ежели из этой скважины тоже деньги качают...

– Совсем ничего не делать? Водку пить?

– Ты водку, Сеня, не трожь. Не путай хрен с бутылкой.

Сеня как тронулся. Приходил с работы, наскоро, чуть не бегом, помогал по хозяйству и торопился к волшебной кнопке. Не терпелось знать, куда двигается дело, есть ли перемены. Двигалось оно вглубь и вширь, но не назад. Когда не было практических занятий, полным ходом шла пропаганда и агитация. Агитаторы, все из науки и культуры, все, как на подбор, черные и бородатые, соловьями заливались, ужами изворачивались, чтобы показать, где спрятано счастье жизни. Для одного, уже немолодого, жмурящего глаза, собрали соплюшек, годочков по четырнадцать – шестнадцать,

и он в каждую тыкал: живешь или нет половой жизнью? А если не живешь – пора жить, это, мол, полезно для здоровья.

– Галя! – кричал Сеня. – Ты посмотри! Ты посмотри, что он несет! Раньше языки за этакое-то вырезали!..

– Выключи! – свирепела Галя. – Не нравится – выключи.

– Я выключу, а ведь они-то, соплюшки-то, не выключат...

Они слушают. Верят.

Потом, как результат, показывали этих самых соплюшек, которые, насмотревшись и наслушавшись, пошли по рукам. У Сени не хватало сердца смотреть на мордашки девчоночек, как за крючок с наживкой вытянутых из детства, где только в куклы играть, а они уж через такие игры проходят, через такое воспитание!.. Господи! Немцы, татары не трогали, давали подрасти, а тут свои... едва из колыбели – и на растяжку. А какие это свои, разве это могут быть свои? Но где тогда свои? Где они? Почему, как Змею Горынычу, отдают и отдают бессловно дочерей своих малых? Двенадцатилетние рожают – Господи! Подряд, одна за другой. Показывают их в каком-то приемнике – глаза свернувшиеся, нечеловечьи, а гонор друг перед дружкой держат. Кого они нарожают? Какой народ придет после этого?

Все больше твердел Сеня в убеждении: надо что-то делать.

Он пошел к начальнику участка. Тот с привычной болью выслушал – все они сейчас жили, как при параличе, с остывающей болью, – кивнул:

– Ну и что? Что ты предлагаешь?

– Протест от коллектива надо выразить. Мол, не согласны, не хотим.

– Какой протест? Куда? Некуда. Ничего не стало. Ты что, не видишь?

– Забастовку устроить. Детей же губим. Все к чертям собачьим губим.

– Какую забастовку? Нам ее давно уж устроили. Не видишь – все лесом забито, не вывозят. Третий месяц зарплату вам не дают – не заметил? Куда, в какую щель ты глядишь? Мне рабочих опять увольнять надо. И ты пойдешь, – мрачно добавил он. – Вот список. Собирайся, орел, через месяц на пенсию, отлетал. Вот и вся тебе забастовка.

На пенсию Сеня ушел, но не успокоился. Он разом, как отрубил, бросил пить. Хватит в дерьме возиться, довозились до того, что и не видим, что оно – дерьмо. Мужики отнеслись к его трезвости, как к очередной просушке перед новым решительным штурмом, но Галя, двадцать лет умолявшая Сеню расстаться с рюмкой и давно потерявшая надежду, на этот раз каким-то чутьем угадала – вылез мужик, вылез, но куда полезет дальше? Не похоже, чтобы он собирался успокаиваться. С печалью и страхом она смотрела на Сенино дежурство перед телевизором, раздумывая, как бы от него избавиться.

Сеня съездил в райцентр, обновил очки и, насадив их на нос, вел перед телевизором какой-то протокол. Дважды он написал в Останкинскую башню, на одно письмо ему от-

ветили, что понимают его тревогу, тревогу пожилого человека, воспитанного на иных идеалах, – и выходило, что ежели пожилой, то дурак. На второе и отвечать не стали. Но Сене их ответы больше были не нужны. Просидев неделю над какими-то записями и расчетами, он принял решение. И сразу легко, свободно вздохнул: все. Вперед!

– Еду в Москву, – заявил он.

Галю окатило:

– Тебя только там и не хватало! Ты посмотри, что там делается, посмотри!

Посмотреть, верно, было на что. В Москве начиналась война. Когда услышал Сеня, что уличное войско из таких же, как он, взбунтовавшихся против «вниз головой – вверх ногами», но нестроевых, необученных, двинулось на Останкинскую башню, он закричал в телевизор сдавленно и бессильно, понимая, что не услышат:

– Не так! Не так! Подождите! Вы же все только испортите! Вас же положат!

Их и положили, как угадал Сеня. Весь день после этого он пролежал на диване в оцепенении, без еды, без питья и слов. Радио в кухне захлебывалось: враги народа, фашисты, штурмовики, а перед Сеней проплывали мордашки двенадцатилетних мам, снятых со школьной парты, чтобы... К вечеру Сеня успокоился и поднялся.

Он выехал только недавно. Задержала теплая осень – бы-

ка по теплу было не забить. Пока продал мясо на дорогу, пока собирался – билет на самолет взвинтился в такую высь, что только в бинокль и рассматривать. Пришлось переходить на железную дорогу. Но и там не дремали, и там билет бил уже не по карману, а по голове до сотрясения мозгов. Пришлось Сене вернуться в Заморы и вслед за быком вывести со двора двух овец.

Остановить его ничто уже не могло.

Едет Сеня, едет. Ждите.

1994

По-соседски

Втеплые синие сумерки вышел Сеня Поздняков после обильного ужина в натопленной избе на крыльцо охолонуть и, оглядывая умиротворенным цепким взором свое хозяйство, вдруг увидел, что в его огород летит какой-то предмет. Влетел в снег и зарылся. Сеня насторожился и, вытянув шею, стал ждать, что последует дальше. Дальше ничего не последовало, предмет был одиночным и ушел в снег совершенно беззвучно. Но то, что он был и остался под снегом в его огороде, сомневаться не приходилось. И прилетел он невесть откуда, может быть, из космоса. Теперь и космос пуляет в бедную Россию чем ни попадя.

Зима стояла теплая и снежная, снег валил в ноябре, без устали валил весь декабрь и лежал по полям и огородам высокой мягкой периной, чуть не вровень с городьбой. Сеня устал бороться с ним, выкидывая из ограды и нагромоздив за заплотом гору, на которую махом взлетал с улицы кобель и гавкал с высоты. Но в последнюю неделю снег наконец взял передышку, и все Рождество простояло в солнце, ярком, искристо озарявшем белые пространства, видимо, поворачивающем на весну, по вечерам аля за Ангарой первыми красными закатами.

Сеня был не из тех, кто оставляет неопознанными залетевшие на его территорию предметы. Ночь он переночевал,

а утром взял большую, специально под снег изготовленную алюминиевую лопату, постоял над широкими, обитыми камусом охотничьими лыжами, ни разу не бывавшими в деле, размышляя, что лучше – или тонуть без них в необъятных сугробах, или на лыжах предстать перед Заморами и сделаться героем фольклора. Насмешки Сеню не пугали, он через такое прошел, что насмешками его не достать, но ему и самому показалась забавной картина, когда он вместо тайги выступит в охотничьих лыжах походом в свой огород. Поэтому лыжи были отставлены. Сеня туго обмотал длинными портянками ноги поверх валенок, чтобы в них не набивался снег, и двинулся без всякого вспомогательного снаряжения. Он не был богатырского роста и при первом же шаге ухнул по пояс. При втором скрылся в снегу по грудь. Но продолжал шагать: уж если Сеня что возьмет в голову, ничем его не свернуть. Только одна голова в заячьей шапке с опущенными ушами и плыла над белой, девственно чистой равниной вслед за скользящей по заданному курсу лопатой. Выдохнувшись, голова замирала, поворачивала лицо то вправо, то влево, отыскивая примету – ведь должно же остаться какое-то углубление при входе предмета в снежную атмосферу, – и плыла дальше.

Сеня повторил подвиг барона Мюнхгаузена, когда тот за собственные вихры вытащил себя из болота. Сеня, достигнув цели, откопал себя, будучи утоплен по плечи. И только после этого осторожно, слой за слоем, принялся снимать

снег на месте уходящей в глубину узкой воронки. «Интересная все-таки жизнь пошла, – размышлял он, замедляя движения, чтобы, не дай Бог, не повредить предмету. – Что-нибудь да преподнесет, чем-нибудь да позабавит. Что вот тут может быть?!»

Звякнуло. Сеня отставил лопату и стал подгребаться руками. Он, конечно, на всякий случай имел в виду и космос, но Сеня был тертый калач и особенно космосом не обманывался. Космос далеко, а всякие самодельные умники рядом. И, когда выгреб он из снега пустую бутылку из-под «Ангарской» водки, только что завезенной в Заморы, сильного потрясения не испытал. Даже почувствовал облегчение, что дело это земное, а не какое-нибудь иное, и, широко размахнувшись, с чувством запузырил бутылку в такой же девственной чистоты и белизны огород Васи Хохрякова, соседа. Вот так, сосед. Если не из космоса, то от Васи, больше ей взяться неоткуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.